

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СКОРОПАДСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
san19770@mail.ru

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕРЕВЬЕВ В СТИХАХ ЮРИЯ ЖИВАГО (по роману Б. Пастернака «Доктор Живаго»)

Дается обзор библейских мотивов, используемых Б. Пастернаком при создании образов деревьев. Актуализируется выявление библейского, христианского контекста, играющего основную роль в осмыслении не только образного, но и содержательно-концептуального уровня романа «Доктор Живаго». Вбирая в себя языческие и библейские традиции, образы деревьев отражают пастернаковское видение мира, его онтологические, философские и религиозные взгляды. Христианский контекст в решении образов деревьев явно прочитывается в стихотворной части романа. В одном из начальных стихотворений («На Страстной») лесные и городские деревья выступают в качестве участников церковной службы, глубоко переживая страшные дни страстей Христовых и ликуя при наступлении Воскресения Господня. В стихотворении «Магдалина II» мифологический архетип мирового древа, отраженный в Ветхом Завете в виде древа жизни и дерева познания добра и зла, Пастернак связывает с образом евангельского крестного дерева. Обращаясь к евангельской притче о бесплодной смоковнице (стихотворение «Чудо»), поэт через мотив плодоносности отражает важнейшие для себя евангельские темы любви и веры.

Ключевые слова: Пастернак, поэтика, образ дерева, христианские традиции, библейские традиции

Растительный мир в философском и творческом осмыслении Бориса Пастернака является главной составляющей природы, именно растения отражают в полной мере все те процессы, которые присущи человеческой жизни и жизни вселенной: процессы рождения, роста и умирания. Н. Фатеева, подробно проанализировав пастернаковскую картину мира, приходит к выводу, что «деревья как наиболее “высокие” растения стоят в центре вращения и роста мира Пастернака» [8: 166]. Одна из причин этого – замеченная Р. Спиваком тенденция в поэтике Пастернака выстраивать пространственные границы по вектору вертикали. У раннего Пастернака этот вектор отражает онтологическую идею единства бытия. «В основе вертикального движения авторского взгляда в поздней лирике поэта, как представляется, лежит оппозиция верха-низа, несущая христианскую систему ценностей, задающая иные нравственно-психологический и философский аспекты картины мира, нежели в ранней лирике. Вертикальная ось пространства поздней лирики представляет собой вектор, указывающий миру путь спасения, этического долженствования, оправдания» [7: 206]. Христианский подтекст в создании природных растительных образов (и прежде всего – деревьев) ярко проявился в главном литературном детище Пастернака – романе «Доктор Живаго». И если в прозаических главах романа образы деревьев помимо христианских содержат еще и языческие, мифологические признаки, то стихотворная часть с самого своего начала дает установку на христианскую, библей-

скую традицию в прочтении образов деревьев. Так, в одном из первых стихотворений Юрия Живаго «На Страстной» именно природный мир чутко и болезненно реагирует на евангельскую историю мучений Христа¹:

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога (VI, 517).

Лесные деревья уподобляются строю молящихся, участвующих в службе. Городские же деревья, в тревоге и ужасе «выходят из оград» и заглядывают в церковные решетки, наблюдая за пасхальной службой со стороны. Таким образом, городские деревья сочувствуют, но не соучаствуют в таинстве, в отличие от деревьев лесных, этому таинству сопричастных. Но так или иначе болезненное переживание страстей Христовых, а затем радостное ликование по поводу Воскресения говорят о подчиненности растительного мира божественному мироустройству (подробнее об этом [6]).

Недаром в заключительном стихотворении живаговского цикла, описывающем пребывание Иисуса Христа в Гефсиманском саду, именно деревья становятся немymi свидетелями его последней земной молитвы:

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца (VI, 537).

По замечанию В. С. Баевского, «центральное представление индоевропейских и неиндоевропейских мифологий... это axis mundi, ось мира...», в качестве которой зачастую выступает дерево, «мировое дерево». «Задача “мирового дерева” и его субститутов – преобразовать неуловимые для древнего сознания временные отношения в пространственные, внести порядок во вселенную, объединить подземную область, поверхность земли и небо» [2: 124]. Мифологический образ мирового дерева повлиял на образы древа жизни и дерева познания добра и зла в Ветхом Завете.

Как отмечает исследователь русского символизма А. Хансен-Лёве, который подробно проанализировал все мифопоэтические мотивы, использованные поэтами-символистами, «архетип *arbor mundi* связывает по вертикали земной мир с небесной, космической сферой и – по оси времени – сцену в Эдеме, происходившую в начале времен (райское дерево, древо познания, древо жизни), с жертвенной символикой крестного дерева и с пророческой, апокалиптической ролью дерева в конце времен» [9: 624]. Интересно, что в древнерусском языке подобное значение символа дерева сохранилось на лексическом уровне. По данным словаря литургических символов, первое значение слова «дрéво» – «крест как орудие казни», далее следует определение «Древо познания – прообраз Креста. Оно находилось “посреди рая”, подобно тому, как крест Христов – центр нового духовного рая» [3: 101]. Практически то же явление наблюдаем в церковнославянском языке: дрéво – это 1) дерево, 2) что-либо, сделанное из дерева, 3) крест. Согласно материалам к церковнославяно-русскому словарю последнее значение снабжается следующим примером: «посреди Эдема дерево дало цвет – смерть, и посреди всей земли Древо (Крестное) произрастило жизнь» [5: 115]. Подобную связь мы видим в стихотворении «Магдалина II»:

Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда твои стопы, Исус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готова к погребенью (VI, 526).

Таким образом, Пастернак сближает образ дерева с образом-символом креста, на котором был распят Христос. Примечательно и то, что сближение это происходит через женский образ – Магдалину: она сравнивает себя с древесным побегом, а значит, Иисус – дерево. Н. Фатеева справедливо увидела в этом соединении не только мужского и женского, но и божественного и земного начал [8: 166], корни которого восходят к библейскому понятию ветви: «Я есмь лоза, а вы ветви; Кто пребывает во мне, и я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15: 5).

Плодоносность – одна из важнейших характеристик дерева. В Библии зачастую плодоносные деревья становятся символом богобоязненных, истинно верующих людей, в то время как бесплодность превращается в характеристику людей лживых, безответственных. Об этом говорится в евангельской притче о смоковнице: «Поутру же, возвращаясь в город, (Христос) взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней, и ничего не нашел на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Мф. 21: 18). Пастернак использует этот евангельский сюжет в стихотворении «Чудо».

В начале стихотворения показано единство всего сущего на земле: воздух, камни, море застыли в задумчивой неподвижности, и лишь облака плывут вслед за Богочеловеком:

И в горечи, спорившей с горечью моря,
Он шел с небольшою толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников (VI, 523).

Безлюдный, но не пустынный пейзаж призван подчеркнуть одиночество идущего в Иерусалим Спасителя: его сопровождает лишь «толпа облаков». Христос находится в состоянии душевного страдания, в предчувствии скорой своей смерти, и вся природа сочувствует ему, стараясь принять на себя часть его боли, но лишь смоковница «высится в столбняке», бесчувственная и равнодушная, и Христос карает ее именно за это бесчувствие:

Смоковница высилась невдалеке,
Совсем без плодов, только ветки да листья.
И он ей сказал: «Для какой ты корысти?
Какая мне радость в твоём столбняке?

Я жажду и алчу, а ты пустоцвет,
И встреча с тобой безотрадней гранита.
О как ты обидна и недаровита!
Останься *такой* до скончания лет» (VI, 523).

Почему Христос карает смоковницу, ведь она бесплодна не по своей воле, а по воле свыше? Пастернак дает свою трактовку этой притчи. В стихотворении Юрия Живаго Христос карает бесплодную смоковницу... бесплодием («Останься *такой*...»), но, по мнению В. Альфонсова, «она не захотела остаться такой, она не бесчувственно, не безгласно приняла кару, а словно по собственной воле (не по “законам природы”) преумножила ее до крайности, до предела: “По дереву дрожь осужденья прошла. Смоковницу испепелило дотла”. Пробуждение к жизни, приобщение к высшей

воле – через смирение, самоотрицание. Страдальческая и суровая идея, выраженная в Христе, не просто покарала смоковницу, но ценой гибели возродила ее» [1: 302]. Возрождение возможно через любовь, любовь к ближнему, к себе, ко всему миру. С любовью же связан мотив плодоношения: смоковница бесплодна еще и потому, что в ней нет этой живой, движущей силы любви, силы внутренней, силы духовной. «Лирический герой соотносит священное событие с собственным прошлым. Смоковница – символ его прошлого, той безумной жизни, когда не было места даже мыслям о духовном. Тогда, когда водоворот ги-

бельных страстей захватил героя, чудесным образом вмешался Бог и дал ему второе “рождение”» [4: 58].

Итак, образы деревьев в стихах Юрия Живаго содержат в себе прямые отсылки к христианско-библейской традиции. Живаговский цикл, ставший поэтическим переложением духовной биографии заглавного героя романа, через образы деревьев в том числе показывает динамику нарастания христианского контекста от сопереживания (деревья как участники литургии) до сопричастности мукам распятия и таинству воскресения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее тексты стихотворений Б. Пастернака с указанием тома и страницы цитируются по изданию: Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: Слово, 2003–2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 366 с.
2. Баевский В. С. Миф в поэтическом сознании и лирике Пастернака // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 2. С. 116–127.
3. Кравецкий О. А. Опыт словаря литургических символов // Славяноведение. 1995. № 4. С. 96–105.
4. Мазурова Н. А., Краснов Д. А. Образная система цикла «Стихи Юрия Живаго» Б. Пастернака // Культура и текст. 2004. № 7. С. 56–60.
5. СедакOVA О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.
6. Скоропадская А. А. Уподобление леса храму в поэтике Б. Пастернака // Проблемы исторической поэтики. 2016. Т. 14. С. 383–402.
7. Спивак Р. С. Вертикаль в художественном пространстве сада Б. Пастернака (1910–1920-е годы) // «Любовь пространства»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 199–210.
8. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
9. Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Skoropadskaja A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BIBLICAL MOTIVES IN THE IMAGES OF TREES IN THE POEMS OF YURY ZHIVAGO (based on the novel by B. Pasternak “Doctor Zhivago”)

The article gives an overview of the biblical motifs used by Boris Pasternak when creating images of trees. The issue of the biblical, Christian context, which plays the main role in the understanding of both figurative and content-conceptual levels of the novel “Doctor Zhivago”, is actualized. Absorbing pagan and biblical tradition, tree images reflect Pasternak’s vision of the world, his ontological, philosophical, and religious beliefs. The Christian context in the tree imagery decision is clearly read in the verse of the novel. In one of the early poems (“On the Holy”) forest and city trees act as participants of the church service. The trees deeply experience the terrible days of the passion of Christ and rejoice upon the occurrence of Resurrection. In the poem “Magdalena II” a mythological archetype of the world tree, reflected in the Old Testament in the form of the tree of life and the tree of knowledge of good and evil, is connected by Pasternak with the image of the evangelical godfather tree. Referring to the Gospel parable of the barren fig tree (the poem “Miracle”), the poet through the motif of fruitfulness reflects on such important for himself evangelical themes as the themes of love and faith.

Key words: Pasternak, poetics, the image of the tree, the Christian tradition, the biblical tradition

REFERENCES

1. Al'fonsov V. *Poeziya Borisa Pasternaka* [Pasternak Poetry]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 366 p.
2. Baevskij V. S. A myth in the poetic consciousness and lyrics of Pasternak [Mif v poeticheskom soznanii i lirike Pasternaka]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1980. Vol. 39. № 2. P. 116–127.
3. Kravetskij O. A. The experience of liturgical dictionary of symbols [Opyt slovary liturgicheskikh simbolov]. *Slavyanovedenie*. 1995. № 4. P. 96–105.
4. Mazurova N. A., Krasnov D. A. The figurative system of the cycle “Poems of Yuri Zhivago” by B. Pasternak [Obraznaya sistema tsikla “Stikhi Yuriya Zhivago” B. Pasternaka]. *Kul'tura i tekst*. 2004. № 7. P. 56–60.
5. Sedakova O. A. *Tserkovnoslavjano-russkie paronymy: Materialy k slovarju* [Church Slavonic and Russian paronyms: Materials for the dictionary]. Moscow, Greko-Latinskij kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2005. 432 p.
6. Skoropadskaja A. A. The likening of the forest to the temple in the poetics of B. Pasternak [Upodoblenie lesa khramu v poetike B. Pasternaka]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2016. Vol. 14. P. 383–402.
7. Spivak R. S. The vertical in the art space of the garden of Boris Pasternak (1910–1920-ies) [Vertikal' v khudozhestvennom prostranstve sada B. Pasternaka (1910–1920-e gody)]. “*Lyubov' prostranstva...*”: *Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. P. 199–210.
8. Fateeva N. A. *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [The Poet and the prose: The book about Pasternak]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 400 p.
9. Khansen-Lyove A. *Russkij simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simbolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian symbolism. A system of poetic motifs. Mythopoetical symbolism. Space symbols]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2003. 816 p.

Поступила в редакцию 26.09.2016